

— Веч. Москва. —

Штрихи к портрету

— Вячеслав Зайцев? Конечно, знаю! Баловень судьбы: только на валюту своими моделями и торгует...

— Или по бешеным ценам, если за рубли...

— Театр моды? Нет, не знаю. Это из Франции, что ли?

— Дом моды? Слышал, а как же, Слава. Это возле Смоленской площади, вроде?

Вот такие странные ответы получили мы от первых попавшихся нам торопливых прохожих, которых остановили на проспекте Мира, 21, возле Московского Дома моды, который вот уже 10 лет руководит художник - модельер с мировым именем Вячеслав Михайлович Зайцев, или просто Слава, как пишут в западных афишах.

Если вам доведется проходить мимо этого дома, загляните в его салон. Возможно, вам приглянется какая-нибудь модель, и если вы сочтете цену подходящей (они там вовсе не «бешеные») — купите ее, не пожалейте: эта не имеющая аналогов обновка, бесспорно, доставит вам радость.

А если вам доводилось видеть выступление Театра моды Вячеслава Зайцева, уверены, больше всего вам запомнились даже не сами модели одежды, а та радость, которую испытывает художник, демонстрируя их и рассказывая нам, «что такое хорошо и что такое плохо», а попросту — обучая нас хорошему вкусу. Этим отличается каждое выступление театра, где Зайцев слил воедино красоту моделей, грацию человека, очарование музыки, подбор цвета и тона, организовав для нас яркое, незабываемое зрелище и сам как бы греясь в лучах этой радости, подаренной людям.

— Вячеслав Михайлович, откуда в вас такая теплота, любовь к человеку, желание подарить ему праздник?

— А что — заметно? Я, в самом деле, очень хочу порадовать зрителя. А теплота? Откуда я знаю? Если она есть, то, наверное, идет от моего далекого военного детства.

Иваново. Большой двор. Люди тогда жили очень открыто. Трудности переживали вместе. Милосердие было не модным, громким словом, а повседневным незаметным делом. Никто никому не завидовал... Обиде потери, общая грусть и общая, нет, всеобщая доброта. Вот, наверное, тепло идет с того времени.

Очень много его дала мне мама, будучи человеком тонким и трепетным. Очень красивая была. Работала, когда мы остались без отца, уборщицей и прачкой. Я видел отца последний раз, когда мне было 3 года. А потом снова увидел его только через 18 лет. Во время войны он попал в плен. Сидел. Был реабилитирован. Но это потом...

Глаза Вячеслава Михайловича с длинными ресницами вдруг становятся огромными и словно обращенными внутрь себя.

— Так вот. Это помещало мне потом поступить в военное училище... Сколько помню нашу жизнь в то время, мама так и не рассказала мне об отце до конца. Всячески поощряла мое участие в самодеятель-

ном театре, любовь к пению. Помню, в первом классе меня даже премировали тремя метрами серого сукна за победу на городском конкурсе.

Очень мечтал поступить в театр оперетты. Был у меня дискант. Участвовал в выступлениях семи взрослых хоров. Слово, вел активную и бурную артистическую деятельность. Даже в хор Свешникова хотели взять.

Когда окончил семь классов, понял, что дальше учиться в школе нельзя: надо скорее получать специальное образование и помогать маме. Бросился в музыкальное училище, но куда там: образования у меня не было. В военное училище тоже не взяли, по какой причине — понятно.

Ну и пошел я в текстильный техникум на факультет прикладного искусства. А надо ска-

верное, странное зрелище. Но публике нравилось. Называли меня «солнечным зайчиком».

Недавно нашел старую фотографию тех лет: в мамином платье с какой-то невероятной чалмой... Одежду свою я донашивал буквально до дыр. Но нищета нашей жизни меня не подавляла. Все было чистое,akraхмаленное, блестящее. Наверное, поэтому и сегодня мой любимый цвет белый, — говорит Слава, обводя рукой вокруг.

Мы сидим в его просторном кабинете: директора и главного художественного руководителя Московского Дома моды. Белые стены, белые дверцы встроенных шкафов, белая керамическая ваза, даже цветы белые. Зеркало в белой раме. И как нельзя лучше в это белое прозрачное царство вписывается белый тонкой изящной гравиров-

— А знаете, ребята, я ведь за один вечер нарисовал все эскизы к «Трем сестрам»...

Если вы придете в Московский текстильный институт, то среди других имен золотыми буквами на стене увидите имя Ленинского стипендиата Вячеслава Зайцева, привлеченного еще в бытность его студентом к работе в Московском Доме моделей одежды. Однако по окончании молодой одаренный специалист попадает отнюдь не в Дом моделей. Его ждет фабрика, где словно в насмешку над талантом, его заставляют заниматься спецодеждой для села.

Сегодняшний доцент кафедры моделирования Московского технологического института Вячеслав Михайлович Зайцев продолжает рассказ:

— А я как раз тогда коллекцию для Бразилии начал в Доме моделей делать и еще над костюмами для фигурного катания работал. Да и диплом защитил на тему «Театрально-зрелищный костюм». Так на середине работы и прервали. Конечно, обидно было и тяжело...

Новая среда обитания: спецодежда, телогрейки, фуфайки, валенки. Я их в разные цвета покрасил, а для телогреек ивановские ситцы использовал. (Недавно моя идея стеганок вернулась к нам в обновленном виде из-за рубежа). Показал свою коллекцию рабочей одежды на методическом совещании. Обвинили в театрализации, далекой от подлинной жизни. Но были на показе французские журналисты...

Жил я тогда в полуподвальной комнате с женой и маленьким Егоркой. Чтобы создать перспективу, французы снимали мои «апартаменты», взобравшись на холодильник. «Пари-мач» написала: «Он диктует моду Москве». Наши газеты отозвались тут же: «Самозванец!».

В общем, началась основательная травля. Еще бы! В каком-то полуподвале снимают иностранцы... За мной велась настоящая слежка. Состоялся товарищеский суд, где мне вменялось в вину, что я не туда увел коллектив. Перевели меня в цех. Реализую неликвиды. Беру манекенщицу, еду в магазины, показываю, объясняю.

— Так вот, оказывается, откуда пошел Зайцев — пропагандист моды?

— Какой пропагандист! Говорил я тогда плохо. Но пропагандировал. Пожалуй, вы правы. Вот так отрубил три года после института и сразу уволился с диагнозом воспаления мозга и потерей зрения на нервной почве. Когда поправился, стал работать в Доме моделей. Был художественным руководителем экспериментальной группы, затем художественным руководителем Дома.

— Значит, все пошло хорошо?

— Ну что вы! Помню выступление в Доме кино, как раз перед моим сорокалетием. Вышел на улицу опустошенным: понял полную невозможность реализовать свои идеи. Ушел в институт, затем — на 19-ю фабрику при Мосгорисполкоме. Там и застало меня предложение поработать над возрождением этого Дома. В 82-м году состоялась здесь показ моей коллекции. Тогда и наметился стиль «Женщина в возрасте элегантно-сти».

— Скажите, Вячеслав Михайлович, а что для вас — известно всему миру художника - модельера — значит, одежда человека?

— Это визитная карточка. Вот почему свою работу я считаю очень важной и очень творческой. Встреча с конкретным человеком помогает проникнуть в его характер и подчеркнуть это одеждой.

— Говорят, вы работаете только с высокопоставленными клиентами, с тем самым аппаратом, который мы называем ныне административно-бюрократическим?..

— Это миф, как и многие другие нелепые слухи вокруг меня. Я стараюсь быть полезен всем.

Беседу вели
Д. АБРАМОВА,
А. НАСОНОВ.

НА СНИМКАХ: В. ЗАЙЦЕВ и его рисунки, выставка которых скоро состоится в Америке.

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК, ИЛИ БАЛОВЕНЬ СУДЬБЫ

зять, что к тому времени одна девочка приобрела меня к вышиванию. Я для нее с большим удовольствием с натуры цветы разные рисовал. Ну и когда поступал, это мне очень пригодилось: рисунок и живопись — пятерки, у единственного из всех поступавших.

— Значит, именно тогда проявились ваши подлинные способности?

— Я рисовал как сумасшедший. Рисовал все, что меня окружало, — сирень, цветочки там разные, ягоды смородины — так, чтобы все зернышки просвечивали. Это ведь какое терпение надо было иметь! Зато потом, когда прорисовывал самые сложные для ситца рисунки, было легко, например, древнюю, так называемую «огуречную» 28-ю серию.

Ну а в свободное время возглавлял культмассовый сектор. И еще играл в Ивановском драмтеатре: в спектакле «Семья» у меня была роль Дмитрия — брата Ленина. А еще играл Серёжу Каренина в «Анне Карениной». Роста я был маленького, тощенький. В 16 лет со своей бледной физиономией представлял, на-

ки диплом почетного гражданина города Парижа, где Слава неоднократно с триумфом демонстрировал свои коллекции.

— Интересно, а сколько получает директор и художественный руководитель Дома моды и Театра моды? Три оклада? Какую сумму?

— Огромную! — Вячеслав Михайлович заразительно смеется. — 350 рублей.

— За все, про все?

— Да, за все.

— Ну что тут скажешь? Остается только развести руками: 800 человек в подчинении и... — Ну а как там в Иваново дальше складывалась жизнь?

— Складывалась хорошо. Текстильком окончил с отличием и поступил в Московский текстильный институт. Чтобы прокормиться, устроился домработницей к людям, у которых был роскошный сад. И очень много рисовал его, и по ночам придумывал фасончики, где бы эти цветочные зарисовки были реализованы. Начались поиски формы. Совпало это с изучением истории костюма. Преподавала ее Р. Закооржевская — главная «виновница» моего активного вторжения в мир ушедших цивилизаций. Она задавала один рисунок, я делал десятки. Наверное, я сильно удивлял ее. Этакий ивановский парень, говорил, сильно окулая...

Причудливые миниатюры Ирана, фресковая живопись Китая, графика Японии, искусство Возрождения, времена модерна, русская иконопись — это было смыслом существования. Не копировал, не запоминал, а изучал, следил, как возникают образы художника.

Зайцев рассказывал, а в памяти возникали его блистательные костюмы ко многим московским театральным постановкам, таким, например, как «Безумный день, или Женитьба Фигаро» в Театре сатиры или обновленная «Принцесса Турандот» и «Ричард III» в Вахтанговском, «Последние» во МХАТе, к таким фильмам, как «Женщина, которая поет», и «Стать звездой». Оживала его сценография из спектаклей «Современника».

ОТ РЕДАКЦИИ: Театр моды под руководством Вячеслава Михайловича Зайцева дал согласие выступить в наших концертах «Что может человек», которые состоятся в Лужниках с 14 по 18 февраля. В первый же день представления одну из наших постоянных читательниц, пришедших в Лужники, ждет сюрприз: костюм Зайцева. Впрочем, об этом мы напишем особо.

